

**NATIONAL SYMBOLS:
CULTURAL AND HISTORICAL ROOTS**

True symbolism does not leave the ground;
it wants to combine roots and stars and grows,
a star flower, from familiar, native roots.

Vyacheslav Ivanov. 1912

The last issue of *Quaestio Rossica* for 2020 opens with the words of Vyacheslav Ivanov, a symbolist poet and philosopher of last century, centring our attention on symbolism, which at times seems to penetrate into all spheres of being – from everyday life to politics and art. Scholarly research often focuses on the combination of antinomies in a given symbol's semantics, putting under scrutiny the material, the event, and the meaning, construction and disappearance, modernisation and loss, communication and disconnectedness. Turning to history, i. e. to sources and interpretations, allows one to see the pulsation of symbolic meaning, including deep historical inlays combined with modern reading and emotivity. Russia's multifaceted symbolism is put under scrutiny in this volume, beginning with a series of articles in the *Problema voluminis* section.

The symbolism of household items and utensils (such as ovens, dough tubs, and samovars) in Karelia, according to *Yulia Litvin* (Petrozavodsk, Russia), indicated the status of the mistress of a peasant household. The use of specific items related to cooking and the self-perception of the *bolshukha*, her power and rights in the space of the house, contributed to the assertion of gender identity associated with ethnic culture.

Arseny Mironov (Moscow, Russia) examines from an unusual perspective the well-known Russian epic tales of Sadko and Vasily Buslaev, which have since become a recognised artifact of the folklore of the Novgorod region. According to the author's understanding, the axiology of the motifs in these epic tales is associated with Christian ideas about sin and the salvation or fall of the soul, retold using folk imagery for natural elements and the values of the tribal world, where the denial of parental blessing is considered the greatest possible loss for the hero.

The two following articles concentrate on the symbolic nature of the Russian capital. In the work of *Tatiana Nikitina* (Pskov, Russia), based on a variety of sources, the ambiguity of paremiological statements about Moscow demonstrates the intertwined veneration and negativity of the “Moscow text” among the inhabitants of Russia. At the same time, such ambiguity might be a recognition of a unified Russian identity – those facets of it where class borders and regional differences disappear, and the loss of symbolic meaning and the renewal of Moscow symbols in new circumstances are revealed. A rather different type of material is given by *Svetlana Koroleva* (Nizhny Novgorod, Russia), who examines variation in the naming of Moscow and Russia in English-language texts and the development of meaning in these toponyms from the second half of the sixteenth century. Seeing the name of the capital in genetically different language units allows one to compare the views of the people who inhabited Russia and the views of travellers from different cultures on the Russian capital. Thus, the variety of symbolic readings of the “Moscow text” is clearly highlighted in cultural and historical contexts.

An innovative study by *Nikolai Shimkevich* (Yekaterinburg, Russia) is no less relevant today, offering a naming model for the political parties and movements (politonymy) between the Russian revolutions of 1905–1907 and 1917. The author, researching the prerequisites for the naming of various party units, uncovers the possibility for solidarisation and reveals subtle trends towards the unification and emergence of civil society, subsequently destroyed by the Bolsheviks during the construction of the one-party state. Linguistic observations often allow one to find sociostructures that reflect the mood of the masses and become symbols of democratic sentiments.

Anna Suvorova's (Perm, Russia) art history draws on unusual material – the work of the Soviet outsider artist Alexander Lobanov. A collection of his naïve and poignant emotional paintings, preserved by sheer chance, is connected to the political mythology of the time. The “childish” consciousness of the deaf-mute artist, invisibly catching contemporary symbolism with poster- and newspaper-like visualisations, transmitted through the iconography of leaders and their inner circle, unwittingly reveals the hidden dominant themes of the propaganda.

The second major theme of the section follows the international academic conference “Cultural Diplomacy of Socialism: Discourses, Institutions, and Actors” (October 2018), held with the support of the Russian Science Foundation and the German Historical Institute (Moscow)¹.

---

¹ The editorial board thanks Professor Oksana Nagornaia of Yaroslavl Pedagogical Institute for her constructive help in structuring this section.

Research by *Oksana Nagornaia* (Yaroslavl, Russia) on communication between functionaries and cultural leaders in socialist countries shows that the cultural diplomacy of socialism was not limited to the Soviet model. Socialist countries were not only the recipients, but also the authors of various cultural and diplomatic messages, which, while seriously competing with the “soft power” of the USSR, sometimes achieved a greater effect. The cultural diplomacy of socialism was either met with intense resistance or adaptation in the Cold War, confirming the role of the socialist camp as a serious player and sometimes a leader in the symbolic field of the global conflict.

Pia Koivunen (Turku, Finland) addresses the phenomenon of World Festivals of Youth and Students, long the most important venues for presenting the achievements of socialism, peacemaking rhetoric, and the symbolic unification of the youth in Eastern Europe. For the youth of Eastern European and newly independent postcolonial countries, these festivals became a space for formal and informal contacts, and for the transfer of cultural values and meanings. Above all, Soviet financial support provided unique opportunities for the cultural inclusion of young people who were excluded from transformation processes on social, racial, national and/or gender grounds, although, paradoxically, the state did everything possible to prevent the mass participation of their own youth. The article by *Jan-Hinnerk Antons* (Hamburg, Germany) analyses Baltic Sea Week, a joint project of the USSR and the GDR aimed at influencing the citizens of the Scandinavian countries. The GDR adopted not only Soviet peacekeeping slogans, but also the procedure for limiting private contacts and the desire to politicise spaces of communication. In turn, Soviet delegations considered it their duty to provide direct ideological support to their East German partners; for them, the “week” turned from a leisure event into a political mission. Criticism for fake sentiment during the display of socialist “achievements” developed in parallel with the initiatives of citizens of the Scandinavian countries to recognise the GDR, promote the inflow of tourists, and further revive a common Baltic identity.

The *Disputatio* section of *Quaestio Rossica* is traditionally a platform for the non-thematic exchange of opinions and the presentation of research results that are not necessarily related to the issue’s major topic or indeed to each other. However, it often turns out that the problems raised by the authors in this category, one way or another, demonstrate a certain unity, albeit one that is not so obvious.

Olga Ermakova’s (Yekaterinburg, Russia) source study, which opens the section, relates to diplomacy and studies the early stages of the evolution of legal acts, namely contracts of the Russian state with foreign specialists hired to serve the crown during Peter the Great’s reign. The author analyses variations of such contracts (“capitulations”, patents, award letters and

certificates), closely studying the development of their form and content into a full-fledged synallagmatic act, noting the influence of the Western European models available to the Posolsky Prikaz upon this process. Although such acts were quite pragmatic documents, their evolution can at the same time be considered as being filled with a clearly expressed symbolism, marking the transformation of Russia from a marginalised “sacred kingdom” into one of the central “political” European powers, which Peter the Great so aspired to.

An article by *Dmitry Redin* (Yekaterinburg, Russia), who aims to reconstruct the structure and status of the foreign community in Yekaterinburg in the late 1720s and early 1730s, is similar in chronology. Linking the social status of this population group with the conditions and places of foreigners’ residence and considering the specific features and circumstances that contributed to or hindered their internal integration, the author comes to the conclusion that in the first decade of the mining town’s existence, the foreign community was not yet a consolidated separate corporation. At the same time, the influence of foreigners, especially town leaders, on the overall spirit and appearance of the city made early Yekaterinburg, according to visitors, quite a “German” city, a symbolic embodiment of the new Russia on the borders of its Asian possessions.

Vladimir Kamynin and *Elena Lazareva* (Yekaterinburg, Russia) continue their research on the presence of foreigners in the economic life of Russia in the early Soviet period. The object of interest is the representation of one of the great construction sites and symbols of the communist era, the Magnitogorsk Iron and Steel Works, presented through a set of diaries, memoirs, and belletristic essays by foreign and Soviet specialists, production managers, journalists, and workers, all of whom were participants in and witnesses of the launch of the legendary Magnitogorsk. United by a common goal, albeit with differing motivations, the authors of these sources, people of various social statuses, educational levels, cultures and national traditions, together communicate not only the events, but, importantly, the mood and the complex network of relationships that prevailed on one of the most important construction sites of the five-year plan.

The article by *Ekaterina Kamenskaya* (Yekaterinburg, Russia), also telling the history of the industrial giants of the first five-year plans in the Ural region, is very consonant with the previous research. However, here the author has a different angle, considering Soviet pre-war industrialisation through a comparative analysis of projects and their implementation. She shows the collision between the ideological, symbolic, and largely propagandistic content of the plans with the reality of implementation: difficult deadlines, low-quality technical equipment, resource availability, and colossal labour on the verge of the possible.

The article by *Sergei Turov* (Tyumen, Russia) is written in a historical and ecological “genre” rare for Russian historiography. This study, instead of focusing on the industrial theme, takes into account the problems that arose in the organisation of traditional nature management between indigenous peoples and the *starozhiltsy* of Western Siberia at the turn of the twentieth century. The older tradition of the seasonal burning of last year’s grass and undergrowth, which had certain rational grounds for maintaining the land’s annual productivity, began taking on a threatening ecological character with the growth of the region’s population. Traditional seasonal man-made fires led to catastrophic forest fires, the damage from which prevailed over potential economic benefits. The study is highly relevant in view of the annual large-scale fires in taiga regions, which have become a seasonal national disaster for modern Russia.

The publication of sources in the *Origines* section of *QR* is represented in this issue by two texts. *Sergey Malovichko* (Moscow, Yekaterinburg, Russia) and *Mariya Niskovskaya* (Syktyvkar, Russia) endeavor to introduce the fifth and sixth chapters of the second part of I. P. Yelagin’s *An Essay of Narration about Russia* into academic circulation. Yelagin, a prominent nobleman of the Catherinian era, is better known in historiography as a public figure and educator, the head of theatres and Masonic lodges, rather than as a historian. Yelagin’s voluminous historical work, preserved as a manuscript and consisting of nine parts, has not yet been published in full. Through the efforts of A. I. Musin-Pushkin, the first three chapters of the second part were presented together with the first part of the work in 1803. This publication is thus the long-awaited continuation of an initiative started more than 200 years ago; here, modern archaeological and textual research introduce Yelagin’s original views on the historical process and methods of history writing, which appear to be the result of a bizarre combination of the nobleman’s Masonic ideas and his Slavophile orientation.

The second text is an extract from the book of the British merchant and traveller J. Hanway, *An Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea*, from its most complete third edition in 1764. The extract is translated into Russian and commented upon by *Sergei Sokolov* (Yekaterinburg, Russia). It is interesting because it features Hanway’s personal impressions of meetings with V. N. Tatishchev in Astrakhan in 1743–1744. In addition to rather precise characteristics of Tatishchev himself, his social circle, and reputation, Hanway provides important information about the work of the provincial administration and philosophises on the intertwining interests of Russia, Britain, and Persia in the Caspian region.

Reflections on the impact of personal relations between individual historians and the “internal politics” of the *Voprosy Istorii* journal in the difficult situation of assessing the history of Ukraine’s interactions with Russia

are presented by *Yakov Lazarev* (Yekaterinburg, Russia) in the *Hereditas: nomina et scholae* section. In an interesting, albeit minor incident (the fate of one editorial by L. Rubinstein), the author sees the manifestation of heterogeneous factors that could have affected the fate of concepts and ideas in Soviet academic journals.

The issue concludes with the *Controversiae et recensione*s section, which offers a variety of materials in the form of three reviews and two detailed critiques. The first review, by *Andrei Usachev* (Moscow, Russia), considers the book of American Slavist Gail Lenhoff, dedicated to the personality of Prince Fyodor Rostislavich the Black of Yaroslavl and Smolensk and his sons David and Konstantin, canonised by the Russian Orthodox Church and glorified in Russian history and culture. The second review, by *Charles Halperin* (Bloomington, Indiana, USA), is on a collection of historiographical and biographical essays by the Hungarian historian Gyula Szvák, a specialist on the history of the Russian Middle Ages and early modern period. *James White* (Yekaterinburg, Russia), in turn, analyses the collective study *Borders and Their Myths: Bastions of Faith and Nation*, edited by Liliya Berezhnaya and Heidi Hein-Kircher, concerning the transformation of the *antemurale* (“bastion”) myth that existed in the border areas of Eastern Europe from the end of the fifteenth century. This reached conceptual completeness during the era of “nation-building” and is once again relevant in modern times. *Igor Stas’* (Tyumen, Russia) provides an overview of literature on urban identities in modern historical urbanism in Siberia, while *Evgeny Artemov* (Yekaterinburg, Russia) and *Evgeny Vodichev* (Novosibirsk, Tomsk, Russia) analyse the latest Russian and non-Russian historiography on the USSR’s economic policy during the Khrushchev decade.

Dmitry Redin, Larisa Soboleva
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia
Translated by Anna Dergacheva

Истинный символизм не отрывается от земли;
он хочет сочетать корни и звезды и вырастает
звездным цветком из близких, родимых корней.
Вячеслав Иванов. 1912

Открывая словами Вячеслава Иванова, поэта и философа прошлого века, этот номер журнала, хотелось бы обратить внимание на идею символизма, проникающего во все сферы бытия – от повседневности до политики и искусства. Исследовательский поиск сосредоточен на сочетании антиномий в семантике символа: материального, событийного и смыслового, конструирования и исчезновения, модернизации и утраты, коммуникации и разъединения. Обращение к истории, источникам и интерпретациям позволяет увидеть пульсацию символического осмысления, включающего глубинные исторические инкрустации в сочетании с современным прочтением и эмотивностью. Многогранная символика России рассматривается в серии статей рубрики *Problema voluminis*.

Символика предметов домашней обстановки и утвари (печи, кадки для теста и самовара) в Карелии, как описывается в статье *Юлии Литвин* (Петрозаводск, Россия), указывает на статус хозяйки крестьянского дома. Использование конкретных предметов, связанных с приготовлением пищи и соотносившихся с самоощущением «большухи», ее власти и прав в пространстве дома, способствовало утверждению гендерной идентичности, связанной с этнической культурой. *Арсений Миронов* (Москва, Россия) в необычном ракурсе рассматривает хорошо известные былины о Садко и о Василии Буслаеве, неоднократно записанные и ставшие признанным артефактом народного творчества новгородского региона. По его концепции, аксиология былинных мотивов связана с христианскими представлениями о грехе, спасении души и ее гибели, высказанными в соединении с фольклорными образами стихий и установками родового мира, где отрицание родительского благословения – величайшая утрата для героя.

Две статьи посвящены символической природе российской столицы. В работе *Татьяны Никитиной* (Псков, Россия), основанной на разнообразных источниках, многозначность паремиологических высказываний о Москве демонстрирует сложность настроений, соединявших почитание и негативность «московского текста» для жителей России. В то же время это признание единой российской идентичности, тех ее граней, где исчезают сословные границы и региональные разноречия, раскрываются факторы утраты символического содержания и обновления московской символика в новых обстоятельствах. Материал другого плана приведен в статье *Светланы Королевой* (Нижний Новгород, Россия), где рассматривается именование Москвы и России в англоязычных текстах и развитие

содержательной «нагруженности» топонимов начиная со второй половины XVI в. Обыгрывание имени столицы в генетически различных языковых единицах позволяет сопоставить взгляд народа, населяющего Россию, и взгляд путешествующего или воюющего человека иной культуры на столичные особенности. Разнообразие символического прочтения «московского текста» ярко высвечивается в культурно-исторических контекстах.

Не менее актуальным сегодня представляется новаторское исследование *Николаем Шимкевичем* (Екатеринбург, Россия) модели образования названий политических партий и движений (политонимии) в промежуток между революциями 1905–1907 гг. и 1917 г. Автор, открывая предпосылки появления обозначения партийных единиц, делает наглядными основы возможного процесса солидаризации и фактически выявляет малоуловимые тенденции к объединению и появлению гражданского общества, уничтоженные большевиками в последующем партийном строительстве. Лингвистические наблюдения позволяют выходить на социоструктуры, отражающие настроения массы и становящиеся символами демократических настроений.

В искусствоведческой статье *Анны Суворовой* (Пермь, Россия) привлечен необычный материал – творчество художника-аутсайдера советского времени Александра Лобанова. Случайно сохранившаяся коллекция его наивных и пронзительных по эмоциональной наполненности картин дана в связи с выявлением политической мифологии времени. «Детское» сознание глухонемого художника, улавливая незримым образом актуальную символику, транслировавшуюся плакатной и газетной визуальностью, передавало ее через иконографию вождей и близких, невольно выявляя скрытые доминанты пропаганды.

Второй проблемой рубрики стала тема Международной научной конференции «Культурная дипломатия социализма: дискурсы, институты, акторы» (октябрь, 2018), проведенной при поддержке Российского научного фонда и Германского исторического института в Москве². Исследование *Оксаны Нагорной* (Ярославль, Россия) о коммуникации между функционерами и культурными деятелями социалистических стран показывает, что культурная дипломатия социализма не ограничивалась советской моделью. Страны социалистического лагеря выступали не только реципиентами, но и авторами специфических культурно-дипломатических посланий, которые, составляя серьезную конкуренцию «мягкой силе» СССР, достигали порой большего эффекта. Культурная дипломатия социализма встречала интенсивное сопротивление либо адаптировались визави в холодной войне, что свидетельствует о роли социалистического лагеря как серьезного игрока, а иногда и лидера в символическом поле глобального конфликта второй половины XX в.

---

² Редколлегия журнала благодарит профессора Ярославского педагогического университета О. С. Нагорную за конструктивную помощь в формировании этой рубрики.

К феномену Всемирных фестивалей молодежи и студентов, наиболее значимых для представления достижений социализма, миротворческой риторики, инсценирования символического объединения молодежи Восточной Европы, обращается *Пия Койвунен* (Турку, Финляндия). Для молодежи стран Восточной Европы и государств, освободившихся от колониальной зависимости, фестивали превратились в пространство формальных и неформальных контактов, трансфера культурных ценностей и смыслов. Советская финансовая поддержка давала уникальные шансы на приобщение к культуре тем молодым людям, которые были вытеснены из трансформационных процессов по социальным, расовым, национальным и гендерным признакам, хотя всячески препятствовала массовому участию в них собственной молодежи. В статье *Яна-Хиннерака Антонса* (Гамбург, Германия) анализируется Неделя Балтийского моря – совместный проект СССР и ГДР, целью которого было оказание влияния на граждан скандинавских стран. ГДР переняла не только советские миротворческие лозунги, но и порядок ограничения частных контактов и стремление политизировать пространство общения. В свою очередь, советские делегации считали своей обязанностью оказывать прямую идеологическую поддержку восточногерманским партнерам: для них «неделя» из досугового мероприятия превращалась в политическую миссию. Критика фальши в показе достижений развивалась параллельно с инициативами граждан скандинавских стран по признанию ГДР и с увеличением потока туристов и дальнейшим возрождением балтийской идентичности.

Рубрика *Disputatio* традиционно является в нашем журнале площадкой для внетематического обмена мнениями и презентации результатов научных исследований, не обязательно связанных с темой номера и между собой. Тем не менее, нередко получается так, что проблемы, поднятые авторами в этой рубрике, так или иначе тоже демонстрируют некое, пусть и не столь очевидное единство. Источниковедческая работа *Ольги Ермаковой* (Екатеринбург, Россия), открывающая рубрику, относится к сфере дипломатики и посвящена изучению ранних этапов эволюции одной из разновидностей актов – контрактов российского государства с иностранными специалистами, нанимавшимися на службу короне в Петровское царствование. Автор анализирует различные вариации договоров («капитуляций», патентов, грамот и свидетельств) с точки зрения развития их формуляра и содержания в сторону полноценного синаллагматического акта, отмечая заметное влияние на этот процесс западноевропейских образцов, имевшихся в распоряжении Посольского приказа. Хотя подобного рода акты являлись документами вполне прагматического свойства, их эволюция в то же время может считаться исполненной отчетливо выраженным символизмом, знаменующим трансформацию России из обособленного «священного царства» в одну из «политических» европейских держав, к чему так стремился Петр Великий.

Близкой по хронологии является статья *Дмитрия Редина* (Екатеринбург, Россия), ставящая целью реконструкцию структуры и статуса иностранной общины в Екатеринбурге рубежа 1720–1730-х гг. Увязывая статусные характеристики этой группы населения с условиями и местами ее проживания, рассматривая идентификационные признаки и обстоятельства, способствовавшие и препятствовавшие ее внутренней интеграции, автор приходит к выводу, что в первое десятилетие существования города иностранцы так и не превратились в консолидированную обособленную корпорацию. В то же время влияние иностранцев, в первую очередь руководителей города, на его дух и внешний облик делало ранний Екатеринбург, по восприятию визитеров, «немецким» городом, символическим воплощением новой России на границах ее азиатских владений.

Тему иностранного присутствия в экономической жизни России уже в ранний советский период продолжает исследование *Владимира Камынина* и *Елены Лазаревой* (Екатеринбург, Россия). Объектом их научного интереса стала репрезентация одной из великих строек и символов коммунистической эпохи – Магнитогорского металлургического комбината, представленной через комплекс дневников, воспоминаний и публицистических очерков иностранных и советских специалистов, руководителей производства, журналистов и рабочих, участников и свидетелей пуска легендарной Магнитки. Объединенные общей целью, но различно мотивированные, авторы этих источников, люди разного социального статуса, уровня образования, представители разных культур и национальных традиций, в совокупности передают не только и не столько событийность, но, что важно, настроения и сложную гамму взаимоотношений, царивших на одной из важнейших строительных площадок пятилетки. Очень созвучна этому исследованию статья *Екатерины Каменской* (Екатеринбург, Россия), также посвященная истории промышленных гигантов первых пятилеток в Уральском регионе. Но автор задает своей работе иной исследовательский ракурс, рассматривая процесс советской довоенной индустриализации через сравнительный анализ проектов и их реализации, показывая идейную, символическую, во многом пропагандистскую нагрузку планов в столкновении с реальностью их воплощения, с проблемами трудно реализуемых сроков, с низкой технической оснащенностью, ресурсной обеспеченностью и колоссальным трудом на грани возможного.

В редком для отечественной историографии историко-экологическом жанре выполнена статья *Сергея Турова* (Тюмень, Россия). На первый план в этом исследовании выступает не промышленная тема, а проблемы, возникавшие в организации аграрных и присваивающих хозяйственных практик традиционного природопользования аборигенного и старожильского населения Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. Укоренившаяся традиция сезонных «палов» – выжигания прошлогодней травы и подлеска, имевшая определенные

рациональные основания для поддержания продуктивности годового оборота угодий, при росте населения региона начинала принимать угрожающий экологический характер. Традиционные пиротехнологии приводили к катастрофическим лесным пожарам, ущерб от которых возобладал над потенциальной хозяйственной пользой. Исследование имеет ярко выраженную актуальность ввиду ежегодных масштабных пожаров в таежных регионах, превратившихся для современной России в сезонное бедствие национального масштаба.

Публикация источников в рубрике *Origines* представлена в этом номере двумя текстами. *Сергей Маловичко* (Москва, Екатеринбург, Россия) и *Мария Нисковская* (Сыктывкар, Россия) взяли на себя труд ввести в научный оборот пятую и шестую главы второй части «Опыта повествования о России» И. П. Елагина, видного вельможи Екатерининской эпохи, больше известного в историографии в роли общественного деятеля и просветителя, руководителя театров и масонских лож, нежели историка. Объемистый исторический труд Елагина, сохранившийся в рукописи и состоящий из девяти частей, не опубликован полностью до сих пор. Стараниями А. И. Мусина-Пушкина первые три главы второй части были представлены читателю в совокупности с первой частью труда в 1803 г. Настоящая публикация является логическим продолжением этой инициативы, начатой более 200 лет назад, и на современном уровне археографии и текстологии знакомит с оригинальными взглядами Елагина на исторический процесс и методы историописания, явившиеся результатом причудливого сочетания масонских идей и воззрений славянофильской направленности.

Второй текст – извлечения из книги английского купца и путешественника Дж. Хенвея *An Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea* по наиболее полному третьему изданию на английском языке 1764 г. Публикация подготовлена в русском переводе и прокомментирована *Сергеем Соколовым* (Екатеринбург, Россия). Она интересна тем, что содержит личные впечатления автора книги от встреч с В. Н. Татищевым, состоявшиеся в Астрахани в 1743–1744 гг. Помимо весьма точных характеристик самого Татищева, его круга общения и оценки репутации, Хенвей приводит важные сведения о работе губернской администрации и о переплетении интересов России, Британии и Персии в Каспийском регионе.

Размышления о влиянии личных отношений историков и «офисной политики» журнала «Вопросы истории» в сложной ситуации оценки истории Украины во взаимодействии с Россией представлены статьей *Якова Лазарева* (Екатеринбург, Россия) в рубрике *Hereditas: nomina et scholae*. В частном факте – судьбе статьи Л. Рубиншейна – автор увидел проявление разнородных факторов, влияющих на судьбу концепций и идей.

Завершает номер рубрика *Controversiae et recensione*, представленная разнообразными материалами в виде трех рецензий и двух обстоятельных обзоров. Рецензии принадлежат перу *Андрея Усачева*

(Москва, Россия) на книгу американского слависта Гейл Ленхофф, посвященную личности князя Ярославского и Смоленского Федора Ростиславича Черного и его сыновей Давыда и Константина, прославленных Русской православной церковью в лике святых, а также в русской истории и культуре; *Чарльза Гальперина* (Блумингтон, Индиана, США) на сборник историографических и биографических эссе венгерского историка Дюлы Свака, специалиста по истории русского Средневековья – раннего Нового времени; *Джеймса Уайта* (Екатеринбург, Россия), проанализировавшего коллективное исследование *Borders and Their Myths: Bastions of Faith and Nation* под редакцией Лилии Бережной и Хайде Кайн-Кирхера о трансформации *antemurale* («бастионного») мифа, бытовавшего на пограничных территориях Восточной Европы в период с конца XV в., обретшего концептуальную завершенность в эпоху «нацистроительства» и актуализировавшегося в новейшее время. В работе *Игоря Стася* (Тюмень, Россия) дан обзор литературы по исследованию городских идентичностей в современной исторической урбанистике Сибири, а в рецензии *Евгения Артемова* (Екатеринбург, Россия) и *Евгения Водичева* (Новосибирск, Томск, Россия) проанализирована новейшая российская и зарубежная историография экономической политики СССР в эпоху «хрущевского десятилетия».

Дмитрий Редин, Лариса Соболева
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия